

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень

*Инна
Баринская*

Небьющееся
сердце

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии и иллюстрация на переплете
Филиппа Барбышева

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Небыющее сердце : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-699-97271-5

Бывшему библиотекарю Оле из-за безденежья пришлось устроиться официанткой в кафе. Постепенно она привыкла к новой работе, у нее даже появился поклонник — постоянный посетитель, симпатичный молодой человек. Поэтому у Оли не возникло и тени сомнения, когда однажды дождливым вечером парень предложил ее подвезти... Очнулась Оля связанной у него дома, и намерения ее поклонника явно были далеки от романтических. Никто не знал, где она, и надеяться было не на что, но спасение все же пришло — в квартиру ворвался таинственный незнакомец, одним ударом уложил похитителя и освободил девушку. Благодарность Оли не знала границ, ради нового знакомого, Сергея, она была готова на все. Лишь спустя некоторое время она заподозрила неладное — слишком темными и непонятными оказались дела, которыми занимался Сергей, и она явно не сможет остаться в стороне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97271-5

© Бачинская И.Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все действующие лица и события романа вымышлены. Всякое сходство их с реальными людьми и событиями абсолютно случайно.

Автор

Если бы в один прекрасный день природа захотела раскрыть нам свои тайны, и мы увидели бы воочию те средства, которыми она пользуется для своих движений, то — боже правый! — какие ошибки, какие заблуждения мы обнаружили бы в нашей жалкой науке! Берусь утверждать, что ни в одном из своих заявлений она не оказалась бы права. Поистине. Единственное, что я сколько-нибудь знаю, — это то, что я полнейший невежда во всем.

*Мишель Монтень. Опыты. Кн. 2, гл. 2.
Апология Раймунда Сабундского*

Пролог

Женщина под дождем

Улицы поселка были пустынные; редкие фонари слабо освещали дорогу, неровные тротуары и заборы, за которыми угадывались деревья. Поздние сентябрьские сумерки, темные окна домов — то ли там никто не жил, то ли жители уже улеглись, — и слабый, нерешительный дождь в листьях деревьев, в траве рождали ощущение тоски и безотчетной тревоги. Было удивительно тихо — казалось, и дома и деревья затаились и внимательно наблюдают за чужим человеком, попавшим сюда в такое время неизвестно по каким тайным и темным делам. А чужой человек, женщина, отпустившая такси за два квартала до нужной улицы — на всякий случай, — медленно шла вдоль бесконечного забора, пытаясь рассмотреть номера на домах в поисках нужного семнадцатого. Дома на улице были старой застройки, одно- и двухэтажные, в основном деревянные. Из трещин в асфальте мощно тянулись белесые стебли полыни, крапивы и тонкие тугие стрелы подорожника. Казалось, место это давно брошено и обезлюдело. Вдруг впереди раздался грохот распахнувшейся двери, послышались громкие голоса, женский смех. Сноп света из дома упал на крыльцо и осветил улицу. Женщина от неожиданности прижалась к забору. Из калитки вышли несколько человек — видимо, хозяева провожали гостей. Последние недосказанные слова, похлопывания по плечу, напутствия, просьбы передать

Небьющееся сердце

привет Федору и Гале, фырканье автомобильного мотора, который не хотел заводиться, — и улица опустела.

Если бы ее спросили, почему она прячется, она не сумела бы ответить. Инстинкт, наверное... А также тревожное ожидание беды и чувство страха, постоянное, непреходящее чувство страха... после короткой передышки, радостного ожидания и надежды. События последних дней, страшные и непонятные... Как будто лавина обрушилась, захватила ее и несет неизвестно куда! И постоянное ощущение, что она не одна, что за ней наблюдают, что преследователь уже рядом. Ей несколько раз снился человек, которого она увидела тогда у дома... который пришел за ней. Она узнала его, хотя видела всего один раз в жизни. Он приходил к ней в ночных кошмарах — высокий, чуть сутуловатый, руки в карманах. Он молча смотрел на нее и улыбался хищной улыбкой, похожей на оскал черепа. Глаз его не было видно в темных и страшных ямах глазниц, светлые волосы падали на лицо...

Она заставила себя выйти из тени. Еще несколько зданий, и наконец она у цели. Двухэтажный кирпичный дом в глубине сада за высоким забором. Полуоткрытая калитка, на которой белой краской выведена большая цифра семнадцать. Она проскользнула в сад и пошла к дому по узкой выщербленной кирпичной дорожке. В запущенном саду было еще темнее. Мокрые ветки деревьев нависали над дорожкой, и ей приходилось наклоняться, чтобы не задеть их. У самого крыльца она остановилась, раскрыла сумочку и, нащупав холодный металл пистолета, перевела дух.

— Успокойся, — сказала она себе, — еще немного — и все будет кончено. Совсем немного... И тогда... Что тогда? Свобода? Не знаю, может, и свобода... Ты это сделаешь! — приказала она себе спустя несколько мгновений. — Ты должна это сделать. А после того, как ты это сделаешь, — исчезни, растворишься, перестань быть... Господи, помоги мне!

Свет из верхнего, единственного освещенного окна падал на ветхую парадную дверь. Женщина толкнула ее и вошла внутрь, споткнувшись о коврик у порога. В коридоре было темно, как в склепе, и пахло пылью, гниющим деревом и кошками. На площадке между этажами угадывалось длинное узкое окно, единственное серое пятно в абсолютном мраке. Она замерла, прислушиваясь и привыкая к темноте. Через некоторое время она стала различать предметы вокруг. Коридор был забит хламом: сундуки, ведра, стопки связанных журналов, детские санки, горка кирпича... Как удачно, что она ничего не опрокинула! Странно, что нет света. Она осторожно ступила на ступеньку лестницы, ступенька издала оглушительный скрип, и женщина снова испуганно замерла. Сбросила туфли и, держа их в руке, пошла наверх босиком. Четвертая квартира... кажется, направо. Через окно над дверью пробивался слабый свет из прихожей. Она положила палец на неясно белеющую кнопку дверного звонка. Потом, вспомнив, что стоит босиком, торопливо обулась. И позвонила. Было так тихо, что она услышала звонок внутри квартиры. И... ничего не произошло. Ни звука, ни движения в ответ. Она снова нажала на кнопку звонка. И снова ничего. Спит? Ушел? Он не мог уйти! Сказал, что будет ждать...

Ей почудилось слабое колебание воздуха, легкое дуновение от двери и, прежде чем она сообразила, что это может значить, она толкнула дверь. Дверь была не заперта и легко подалась. Она вошла в захлавленную прихожую. Прислушалась. Неподвижная тишина закрытого помещения. Помещения, где никого нет.

— Не может быть, — подумала она, подбадривая себя, — он не мог уйти, да и дверь открыта. Простите, — обратилась она к пустоте, — здесь есть кто-нибудь? Это я вам звонила... час назад, и вы сказали...

Тишина в ответ. Где-то с обреченной равномерностью капала вода из крана, словно отсчитывая секунды до... Чего?

Небьющееся сердце

Что же делать? Инстинкт подсказывал ей, что нужно бежать. Мигающая красная лампочка.

— Глупости, — сказала она себе, — куда он мог деться? Он здесь... уснул... задремал...

Она добралась до двери, единственной, из-под которой пробивался свет, и осторожно постучала. Не услышав приглашения войти, она тем не менее нажала на дверную ручку и вошла. Оранжевый шелковый абажур с длинной бахромой бросал неяркий теплый свет на стол в центре комнаты, накрытый к чаю: чашки, конфеты и печенье в плетеной корзиночке, серебряные ложечки, розетки с медом. Чайник на керамической подставке. Мирная и спокойная картина. Она машинально дотронулась до остывшего чайника. На одной из чашек — розовая полоска. Губная помада? Она поднесла чашку к глазам — действительно губная помада! Женщина с облегчением рассмеялась: вот и объяснение! Хозяин пошел проводить гостью. Ничего, она подождет. Тут много картин, необычная мебель, старинный хрусталь за стеклом горки, масса безделушек: фарфоровые пастухи и пастушки, дамы в высоких париках, охотники с собаками и целая коллекция старинных фаянсовых пивных кружек с оловянными крышками. Она обогнула стол и увидела мужчину, лежавшего на полу около дивана. Застыв от ужаса, не в силах пошевелиться, она смотрела на повернутое к ней неестественно запрокинутое лицо, длинные седые беспорядочно разметававшиеся волосы и ярко-красное пятно на тусклом узоре бежевого ковра. Голубые глаза его были широко открыты и смотрели прямо на нее. И еще ей показалось, что мужчина улыбается...

Вдруг шевельнулась портьера, и женщина закрыла рукой рот, чтобы не закричать... Из-за портьеры появился большой серый кот, подошел к ней и, подняв морду, мяукнул. Порыв ветра надул парусом гобеленовую ткань... видимо, окно было открыто, и в комнату вместе с запахом мокрой травы ворвался ровный и тяжелый шум дождя...

Бежать! Скорее! Она метнулась к двери, но тут некий звук снаружи привлек ее внимание. Подбежав к окну, она осторожно выглянула на улицу. Из черной машины, остановившейся у калитки, выходили люди. Человек, показавшийся ей непомерно большим, что-то говорил, указывая на дом. Поздно!

Дальнейшее происходило словно в ночном кошмаре, словно вел ее кто-то, помимо ее воли и сознания. А она, как кукла на веревочках, подчинялась движениям водящей руки. Расплевкав недопитый чай, она схватила чашку со следами губной помады и запихала в сумку. Носовым платком протерла дверную ручку. Оглянулась вокруг, высматривая следы возможного беспорядка и лихорадочно вспоминая, к чему еще прикасалась. Потом бросилась к окну, взобралась на подоконник и скользнула наружу, на широкий выступ, проходящий под окном. Оттуда — на пожарную лестницу, мокрую и скользкую, и вниз!

Почувствовав под собой твердую землю, она, спотыкаясь о корни деревьев, цепляясь за стебли растений и уворачиваясь от мокрых веток, хлеставших по лицу, с ужасом ожидая услышать звуки погони за спиной, крики людей и лай собак, бросилась в глубину сада, туда, где, далеко впереди, светились окна соседнего дома.

За спиной было тихо. Равномерно шумел дождь, поглощая все звуки и надежно скрывая все следы. В самом конце сада она перебралась через невысокую изгородь, пробежала по темной дорожке к калитке и, остановившись, прислушалась. Потом, поправив волосы и одернув юбку, достала из сумочки, которую тесно прижимала к себе, зонтик, раскрыла его и, перебросив через плечо ремень сумочки, быстро пошла прочь. А меж тем сзади началось движение, раздавались голоса, замелькали огни...

Скоро женщина свернула за угол, вышла на соседнюю улицу, где горели фонари и попадались редкие прохожие, свернула еще раз, и еще раз, и, наконец, чуть замедлив шаги и прикрываясь зонтиком, вышла на центральную улицу и смешалась с толпой.

Часть первая

Время разбрасывать камни

Глава 1

Арнольд и Марта

— Я убью эту суку! Я ее убью! — Арнольд сжал кулаки, заскрежетал зубами, как злодей в исполнении провинциального актера, и с ненавистью выпустил воздух через нос. — Убью! Вдыхаю — зелень лета, небо, траву, цветы; выдыхаю — черный дым, запах... запах... чего? Тухлых яиц? Фу! — Он на мгновение задумался и забормотал снова: — Вдыхаю... в прошлый раз было сбежавшее молоко, а сейчас... Юрий Леонидович говорит, что каждый раз нужно выбирать новый запах... запах... черт бы его побрал, этого долбаного психоаналитика с его дурацкой вонью... Перегара! Дерьма! Вдыхаю запах мяты, розы, травы... все равно ненавижу! Листьев, яблоч, мяты, роз, травы... э-э-э... листьев, яблоч, выдыхаю — перегар, при чем тут перегар? Дурацкое упражнение! За такие деньги этот психошарлатан мог бы придумать что-нибудь поприличнее. Выдыхаю — перегар, тучу перегара, черный дым, вонючий, мерзкий, из трубы... Из какой трубы? О чем я? Да! Я убью эту дрянь, шлюху, стерву... что еще? Или кого еще? Когда надо, никогда не вспомнишь. Неряху! Мою жену Марту! Я ее все равно убью! Я ее сброшу в пропасть! Нет, я хочу видеть, как она будет... я хочу это видеть! Я лучше толкну ее под поезд в метро! И буду смотреть, как ее размажет по рельсам... И буду спрашивать у всех: «Господа, господа, вы не видели моей жены? Вот только минутой назад была здесь, со мной. И ис-

чезла. Где же она? Марта, ау, Марточка!» И буду смеяться неслышным внутренним смехом.

Или с балкона! Или... или.. не важно! Придушу подушкой! Или шарфом! Нет, нельзя! Юрий Леонидович сказал не смешивать в кучу. Сегодня я ее сбрасываю! С крыши! Она летит! Развеваются прекрасные одежды. Я смотрю, как она парит, большая красивая птица, сова... ворона... корова... и... бряк! На асфальт! Подскочила, и снова... на асфальт! Ах! А кто это там так красиво лежит на асфальте, как цветок? Мартовский цветочек! Это жена моя, Марта! Моя бывшая жена Марта! Нечаянно упала с крыши, с двадцатого этажа, лежит на асфальте и не шевелится. Притворяется, наверное. А я – свободен, спокоен и печален. Осиротевший муж! Не каждый день жены падают с тридцатого этажа. Тем более с пятидесятого. Но – жизнь есть жизнь. Живем дальше. Жизнь продолжается. Игра продолжается. Делайте ваши ставки, господа!

Так, кажется, подействовало. Теперь виски в рюмашечку и соленый орешек! Арнольд наливает в серебряную рюмочку виски из четырехугольной бутылки, достает из пакетика орешек, вытягивает руку и растопыривает пальцы – дрожат... но меньше!

– Как она меня сегодня довела! Стервида! Так и залепил бы по физию! Ну, ничего, за мной не пропадет. Я ее все равно приложу когда-нибудь. Упрямая с-у-у-ка! – С блаженным стоном он опрокидывает рюмку и бросает в рот орешек. – Нет, все-таки жить хорошо! А хорошо жить – еще лучше! – замечает философски, откидываясь на спинку кресла, закрывая глаза. Ему уютно, он чувствует приятную расслабленность в членах и чуть звенящую пустоту в голове. Его клонит в сон, и, засыпая, он лениво думает: – В следующий раз я ее... отравлю... и буду смотреть, как она... на ее судороги и конвульсии... хорошо! Молодец все-таки Юрий Леонидович! Недаром деньги берет... да и не попадешь к нему просто так... а только по рекомендации...

Через минуту он крепко спит.

Небьющееся сердце

* * *

А началось все еще ночью, в одну из нечастых минут мира и покоя в семье, и еще более редких – супружеской близости, когда голова Марты лежала на его плече, а он, поглаживая ее по спине, благодушно спросил:

– Ну, что твой бог?

– Что именно тебя интересует? – на удивление спокойно отозвалась жена.

– Является?

– Пока нет, но не беспокойся, явится!

– А кому-нибудь из ваших уже явился? – с завуалированной издевкой настырно продолжал Арнольд.

– Не знаю... об этом нельзя говорить вслух.

– А может так случиться, что он явится вам всем одновременно? Так сказать, произойдет коллективное явление? – совсем обнаглел Арнольд.

– Не произойдет! – коротко ответила Марта.

– Что так?

– Мы больше не собираемся.

– Ты порвала с религией? – внутренне хихикнул Арнольд.

– Нет, – сказала жена, и ее тон слегка смутил Арнольда – она говорила спокойно и высокомерно, как с придурком. Помолчав, она добавила: – Три недели тому назад во время медитации умерла женщина...

– И что? – заинтересовался Арнольд и даже привстал, опираясь на локоть.

– Ну, полиция там... у хозяина квартиры неприятности, а тут еще незарегистрированная секта. Мы пока самораспустились.

– А с чего она померла? Может, бога увидела? – внутренне потешаясь, участливо спросил Арнольд.

– Может, и увидела, – сказала жена, и снова ее спокойствие не понравилось Арнольду.

— А может, — начал он опять, не желая упускать возможность позубоскалить, — а может...

— Может... — отозвалась жена, отодвигаясь, и, повернувшись к мужу спиной, сказала: — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — разочарованно ответил Арнольд, — желаю тебе увидеть во сне твоего бога. Хотя вряд ли. Он где? В Африке? Неближний путь!

— Он здесь! — Это прозвучало так уверенно и спокойно, что Арнольд почувствовал себя неуютно.

— Как здесь? Прямо здесь? В спальне?

— Здесь, со мной.

— Ах да! Знаю! Бог в сердце.

— Нет, он здесь, рядом со мной. Он всегда рядом с каждым из своих учеников. Между ним и его учениками протянута ниточка.

— То есть уже явился?

— Нет, — терпеливо объяснила Марта, и опять Арнольд был неприятно удивлен ее спокойствием. — Еще не явился. Он явится, когда я увижу его. Тогда я стану посвященной.

— Как та, которая умерла?

— Возможно! Может, так и было задумано.

— Кем?

— Судьбой. Природой. Богом.

— А откуда ты знаешь, что он здесь? — Вопреки здравому смыслу Арнольд умерил пыл и почувствовал, что ему больше не хочется шутить на темы веры, и некая как бы зависть рождается в сердце — эта безмозглая дура нашла себе бога! А бог, тоже мне! Большое счастье заполучить истеричную бабу.

— Чувствую.

— Как?

— Он поддерживает меня. Я спокойна. Я теперь знаю, что мне делать.

— Он что, подсказывает?

— Да.

Небьющееся сердце

— На каком языке? Он же из Африки!

— Ни на каком! Я просто его понимаю. Отец Львамугира объяснял: если снисходит покой, значит Он пришел...

— Отец Львамугира? Что еще за птица? — В голосе Арнольда появились ревнивые нотки.

— Отец Львамугира — один из апостолов культа. Учитель. Он из Танзании.

— Так он из Танзании заявился сюда?

— Из Америки. Сейчас он живет в Америке. Он миссионер, ездит по разным странам, несет учение!

— Разумеется, из Америки. Откуда еще. Все они из Америки. Истеричные американцы с жиру бесятся от своей бездуховности, а такие, как твой Лева... Льва... как его там, и пользуются, чтоб денежки выманить. Знаем, читали! — От легкого настроения Арнольда не осталось и следа. Он чувствовал злобу и раздражение. — Безмозглая идиотка! Культ! Культ сатаны, и сатана — этот чернокожий колдун. Он черный?

— Черный.

— Черная религия не годится для белых. Все перемете, как эта ваша... ученица. Ты что, не могла найти себе хотя бы белого попа? Если невтерпез? — В голосе его звучала откровенная злоба. Он и сам не знал, почему так разозлился.

— Какая разница? Бог — это не человек, у него нет цвета кожи.

— А что же он такое?

— Добро. Любовь. Мир.

— Да, да, знаем! Не убий, не пожелай! Любовь! Чем, интересно, вы занимаетесь на своих... — Он запнулся, пытаясь найти слово пооскорбительнее, ничего не придумал и закончил ядовито: — Занятиях?

Жена молчала. В ее молчании было превосходство и презрение...